Агата Лесневская

Он не умел любить она любить умела

Агата Лесневская

Он не умел любить
она любить умела

«Автор»
2026

Лесневская А.

Он не умел любить она любить умела / А. Лесневская — «Автор», 2026

Вера Белова продала обручальное кольцо и поклялась больше никому не верить. Через час она уже сидела напротив Артёма Ланского, владельца инвестиционной империи, человека, который «никогда не проигрывает» и которому нужна секретарь, умеющая молчать. Двести тысяч в месяц, ни слёз, ни личных разговоров и одно правило: любовь в его расходы не входит.Но в чёрной папке с пометкой «Личное» Вера находит фотографию женщины, записку «Не позволяй ему узнать правду» и плюшевого зайца с оторванным ухом, того самого, что снится ей всю жизнь. А вскоре ей присылают снимок девочки с её лицом.Кто такая Марина, погибшая три года назад? Почему по документам Вера мертва уже двадцать два года? И что скрывает человек, которому она начинает верить вопреки всему?Он не умел любить. Она любить умела. Но справится ли любовь с правдой, которую так долго прятали?

© Лесневская А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мужчина, который покупал время 5
Глава 2. Правила и бутерброды 8
Глава 3. Папка с надписью «Личное» 10
Глава 4. Девочка с твоим лицом 13
Глава 5. Садовая, четырнадцать 16
Глава 6. Мёртвая по документам 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Он не умел любить она любить умела

Глава 1. Мужчина, который покупал время

В день, когда Вера Белова решила больше никому не верить, она продала обручальное кольцо.

Ювелир с Лиговского, сухонький, в жилетке, похожий на часовщика из детской книжки, долго вертел его под лампой, цокал языком и называл сумму так, будто просил прощения. Вера кивнула раньше, чем он договорил.

— Может, подумаете? — спросил он. — Такие вещи потом жалеют.

— Я думала три года, — сказала она. — Хватит.

Объяснять она не стала. Что кольцо было не от любви, а от неловкости: Денис надел его при официанте, в ресторане, где пахло трюфелями, и отказать в такой обстановке было просто невозможно. Что три года она носила это «да» как чужую обувь: терпеть можно, бегать нельзя. Что месяц назад Денис объявил, что им «нужна пауза», а на другой день его пауза уже ужинала на Рубинштейна с коллегой из отдела продаж.

Деньги Вере были нужны. Это была самая унизительная часть принципа.

На улице она остановилась и долго смотрела на левую руку. На безымянном пальце осталась светлая полоска кожи, не тронутая загаром даже летом, тонкая, как шрам от нитки. Ноябрьский ветер трепал полы пальто, мимо прогрохотал трамвай, полный чужих лиц.

«Ничего, — подумала Вера. — След сойдёт».

Она не знала, что через сорок минут сядет напротив человека, который разнесёт в пыль все её решения. И что однажды этот же человек будет просить её остаться.

— Мне нужна женщина, которая умеет молчать.

Вера подняла глаза от своего резюме.

Кабинет был такой огромный, что в нём можно было потерять человека и не сразу заметить пропажу. Стол из тёмного дерева, диван, на котором никто никогда не сидел, и стена из стекла, за которой Нева катила тяжёлую свинцовую воду к заливу. Мужчина за столом не вставал. Он разглядывал её так, как разглядывают договор: ищут мелкий шрифт.

Его звали Артём Ланской. Тридцать четыре года, инвестиционная компания, которую деловые журналы называли «машиной без тормозов». Про него писали, что он никогда не проигрывает. Вера подумала, что журналисты, видимо, ни разу не видели его в очереди за кофе.

— Уточните, пожалуйста, — сказала она. — Вам нужен секретарь или предмет мебели?

Ручка в его пальцах замерла.

— Что?

— Вы сказали, что вам нужна женщина, которая умеет молчать. Если нужна мебель, я не подхожу. У меня есть мнение, и оно иногда выходит из комнаты раньше меня.

Стало тихо. Артём Ланской откинулся на спинку кресла с видом человека, которому впервые за долгое время сказали что-то непредусмотренное.

— Вы со всеми работодателями так разговариваете?

— Только с теми, кто начинает собеседование с оскорбления.

— Я вас не оскорблял.

— Разумеется. Вы просто объяснили, что идеальный сотрудник держит голосовые связки для экстренных случаев.

Он посмотрел на неё чуть дольше, чем требовалось.

— Почему ушли с прошлого места?

Вот он, подумала Вера, вопрос, на который все отвечают заготовленной ложью про «новые возможности».

— Потому что мой начальник решил, что моя личная жизнь принадлежит ему.

— И что вы сделали?

— Ушла.

— Без другой работы?

— Да.

— Без подушки безопасности?

— Практически.

— Неразумно.

— Зато теперь я могу смотреть в зеркало и не думать, что там сидит чья-то собственность.

На этих словах Артём отвёл взгляд к окну, и Вера могла бы поклясться, что в тот самый момент он увидел собственное зеркало: усталого, злого мужчину, чужого самому себе. Видение мелькнуло и погасло, как лампочка при скачке напряжения.

— Мне не нужны ваши жизненные принципы, — сказал он ровно. — Мне нужен результат. Рабочий день начинается в семь утра, заканчивается когда придётся. Выходные — по необходимости. Никаких опозданий. Никаких личных разговоров. Никаких слёз в офисе.

— А если умрёт кто-нибудь из близких?

— Предупредите заранее. Если обстоятельства позволят.

Вера медленно положила резюме на край его огромного стола.

— Вы шутите?

— Я никогда не шучу.

— Тогда у меня один вопрос.

— Слушаю.

— Вы когда-нибудь были счастливы?

Он не ответил. Не изменился в лице, не шевельнул бровью, но пальцы, лежавшие на подлокотнике, сомкнулись так плотно, что костяшки стали белыми. Этого было достаточно. Вера встала.

— Спасибо за уделённое время.

— Я не закончил.

— А я закончила.

Она дошла до двери, держа спину прямо, как несут полный стакан. Это было не страшно, это было почти приятно: злость грела лучше пальто. Она научилась обращаться со злостью ещё в детстве, когда другие дети учились кататься на велосипеде.

Рука уже лежала на ручке, когда он сказал:

— Двести тысяч в месяц.

Ненависть к человеку, как известно, прекрасное чувство. Пока не приходит квитанция за квартиру.

— Что?

— Двести тысяч. Испытательный срок — месяц. Если справитесь, пересмотрим.

Вера обернулась.

— То есть вы только что объяснили мне, что я не должна плакать, даже если у меня кто-то умрёт, и предлагаете за это двести тысяч?

— Я предлагаю вам работу.

— Вы всегда покупаете людей?

— Нет, — спокойно сказал Артём. — Только их время.

— А любовь?

Она не собиралась это спрашивать. Вопрос выскочил сам, как кошка из-под ног. Лицо Артёма осталось неподвижным, но в кабинете что-то изменилось, будто кто-то приоткрыл окно в мороз.

— Любовь, — произнёс он наконец, — в мои расходы не входит.

— Тогда мне вас жаль.

Она вышла.

На этот раз он не остановил её. Но когда Вера дошла до середины коридора, за спиной раздались шаги: быстрые, без пиджака, без всякой начальственной неспешности.

— Госпожа Белова.

Он стоял в трёх шагах от неё, с расстёгнутым воротом, и вблизи казался моложе, чем за столом. И заметно опаснее.

— Вы приняты.

— Я не соглашалась.

— Согласитесь.

— Откуда такая уверенность?

Он протянул ей лист с условиями контракта.

— Я изучил ваше резюме. Вы организованны, умеете гасить конфликты и никогда не бросаете начатое. Кроме того, — он сделал крошечную паузу, — ваш банковский счёт и просроченная аренда делают отказ дорогим удовольствием.

Лицо Веры обожгло жаром.

— Вы проверяли мои счета?

— Я проверил документы, которые вы приложили к анкете.

— Выписок в анкете не было.

— Их предоставили в вашей прошлой компании.

Она смотрела на него несколько секунд, прикидывая, сколько ещё людей на свете способны вызвать у неё такое чистое, ничем не разбавленное желание швырнуть в человека степлером.

— Вы отвратительный человек, Артём Ланской.

— Мне говорили.

— И вас это устраивает?

— Это экономит время.

Вера выхватила листок.

— Я принимаю работу. Но у меня будут условия.

Он удивлённо приподнял бровь.

— Вы уже торгуетесь?

— Нет. Я расставляю границы. После девяти вечера отвечаю только на звонки, от которых зависит чья-то жизнь или чьи-то миллионы. Одно воскресенье в месяц принадлежит мне. И если я скажу, что вы неправы, вы выслушаете. Не согласитесь, но выслушаете.

Артём молчал так долго, что Вера уже приготовилась к отказу.

— Одно воскресенье в месяц, — сказал он наконец. — Остальное обсуждается.

— Тогда до понедельника.

— До понедельника, госпожа Белова.

Она ушла, не оглядываясь.

Он долго стоял в пустом коридоре и слушал, как стихают шаги. Потом вернулся в кабинет, сел за стол и обнаружил, что до сих пор сжимает в кулаке ручку, которую так и не убрал.

Он собирался нанять секретаря, а на самом деле впустил в свою жизнь человека, который не умел жить наполовину.

Глава 2. Правила и бутерброды

К четвергу Вера поняла две вещи.

Первая: бизнес-центр на Петроградской, в котором располагалась компания «Ланской Капитал», был построен людьми, ненавидевшими жизнь. Стекло, хром, серые ковры, кофейные автоматы, выдававшие напиток цвета асфальта. Даже фикус в приёмной, судя по виду, держался исключительно из чувства долга.

Вторая: Артём Ланской не обедал.

Он вообще не ел при ней. Она видела, как он пьёт кофе, чёрный, без сахара, по семь чашек в день, и как смотрит на экран, пока цифры не начнут ему отвечать. Но ни разу — ни в понедельник, ни во вторник, ни в среду — рядом с его локтем не появилась тарелка.

— Артём Михайлович, — сказала она в четверг, ровно в 14:10, — вы хотите, чтобы я заказала что-нибудь?

— Нет.

— Совсем?

— Я не голоден.

— В 14:10 после шести часов совещаний нормальный человек голоден.

Он оторвал взгляд от монитора.

— Госпожа Белова, вы нанимались организовывать мои дни, а не мой желудок.

— Он входит в ваши дни. Я проверяла.

Он не улыбнулся. Но уголок рта дрогнул, на долю секунды, как стрелка на сломанных часах.

Часы, кстати, были второй загадкой. Дорогие, тяжёлые, на левом запястье, они показывали 22:40 в любое время суток. Вера поняла это не сразу: первые два дня ей казалось, что он просто не заводит их по рассеянности. Но человек, ни разу не опоздавший ни на одну встречу, не может быть рассеянным. Значит, он не заводил их нарочно.

Она решила не спрашивать.

В пятницу она принесла из кулинарии на углу бутерброд с индейкой и положила на край стола, ничего не сказав. Он посмотрел на него так, как смотрят на подозрительную посылку.

В понедельник бутерброд вернулся на её стол нетронутым, в той же упаковке, с запиской на жёлтой бумажке: «Не нужно».

Вера прочитала записку, перевернула её и написала на обороте: «А мне нужно, чтобы вы не падали в обморок на переговорах. Это выбьется из графика».

Во вторник бутерброд лежал на столе целым. В среду тоже.

В четверг, когда она вошла в кабинет с папкой подписей, половина лежала на тарелке, а Артём стоял к ней спиной и смотрел на реку, и по тому, как он держал плечи, было ясно: никаких комментариев.

Вера положила папку и ушла, не сказав ни слова.

Война бутербродов шла вничью, и это был лучший результат в её личной жизни за последние три года.

Илья Громов появился в её жизни в пятницу, и это было самое приятное событие недели.

— Так вот вы какая, — сказал он, прислонившись к её столу с видом человека, который никуда не торопится и при этом всё знает. — Женщина, которая выдержала девять дней. Ставки в бухгалтерии были на третий.

Ему было около сорока, у него были добрые, чуть уставшие глаза и привычка улыбаться только одной стороной рта. Он отвечал за безопасность компании и, насколько поняла Вера, за

ещё одну вещь, которой не было в должностной инструкции: он был единственным человеком в здании, кто мог говорить Артёму «нет» и дожить до вечера.

— На третий день я ещё не успела разозлиться как следует, — сказала Вера.

— А на девятый?

— На девятый я уже научилась составлять ему расписание так, чтобы в нём были обед и десять минут тишины.

Илья негромко присвистнул.

— Вы понимаете, что за три года никто не добивался даже этого?

— Три года? — Она подняла голову. — Что случилось три года назад?

Улыбка Ильи не исчезла, но стала другой, глаза остались те же, а лицо чуть закрылось.

— Артём Михайлович вам расскажет. Когда сочтёт нужным.

— Он человек, который считает нужным только то, что приносит прибыль.

— Вот именно, — сказал Илья. — Поэтому его молчание что-то стоит.

Он ушёл, оставив после себя слабый запах сигарет и странное чувство, что Вера только что получила предупреждение, но не поняла, о чём.

К концу второй недели Вера составила график, по которому Артём ел, спал минимум пять часов и не выходил на совещания с мыслью, что весь мир — конкурент. Это было не победой, а скорее перемирием с двумя оговорками: он по-прежнему называл её «госпожа Белова», а она по-прежнему отвечала «Артём Михайлович», хотя иногда, в особенно раздражающие дни, мысленно добавляла к этому «чтоб вас».

В пятницу вечером они остались вдвоём в офисе. За стеклом шёл первый настоящий снег, крупный, неторопливый, из тех, что умеют превращать любой город в декорацию. Вера собирала бумаги. Артём стоял у окна.

— Госпожа Белова.

— Да?

— Спасибо.

Она остановилась с папкой в руках.

Он не повернулся. Он смотрел на снег. Но в его голосе было нечто такое, чему она не нашла названия, и поэтому ответила просто:

— Не за что.

— Есть, — сказал он. — Просто я не умею это говорить.

Он помолчал.

— Поэтому говорю один раз.

Вера кивнула, хотя он этого не видел, взяла сумку и пошла к лифту. Только в кабине, когда двери закрылись, она заметила, что улыбается. Не потому, что это было смешно. А потому, что этот холодный, невозможный человек только что дал ей самый дорогой подарок, какой мог дать: он сказал правду, даже когда не умел.

Глава 3. Папка с надписью «Личное»

Вера поняла, что совершила ошибку, в 10:17.

На её стол положили чёрную папку без названия, с одной-единственной надписью золотыми буквами: «Личное».

— От Артёма Михайловича, — сказала секретарь юридического отдела, вытянув шею так, будто боялась заразиться. — Просил передать вам. Лично.

— Что внутри?

— Не знаю. И вам не советую.

Девушка исчезла быстрее, чем следовало бы человеку, который «ничего не знает».

Вера положила папку перед собой и сидела над ней минут пять, хотя у неё была встреча в одиннадцать, отчёт к полудню и ещё одна гора вещей, которые следовало сделать немедленно. Потом открыла.

Сверху лежали договоры: скучные, сухие, с приложениями. Под ними обнаружились фотографии. Женщина с тёмными волосами смеялась в камеру на фоне белого загородного дома, и в её смехе не было ни капли той выверенной красоты, которую любят фотографы. Просто живая, чуть неловкая, слишком искренняя радость. На втором снимке рядом с ней стоял Артём, моложе, лёгкий, с растрёпанными ветром волосами и такой улыбкой, какой Вера у него ни разу не видела.

На третьей фотографии женщина держала в руках плюшевого зайца с одним оторванным ухом.

Вера не знала, почему именно эта деталь впилась в неё как заноза. Заяц был старый, поношенный, с проплешиной на животе. Человек не станет фотографироваться с такой игрушкой, если она не значит для него что-то большее, чем просто игрушка.

Она перевернула снимок. На обороте чужим, торопливым почерком было написано:

«Если со мной что-нибудь случится, не позволяй ему узнать правду».

Вера перечитала. Потом ещё раз.

Следовало закрыть папку, подумала она. Нормальный человек закрыл бы папку.

— Он снова достал её фотографии? — спросил в коридоре мужской голос.

— Тише. Здесь новая помощница.

— И что? Эта сбежит как остальные.

— Все сбегают, когда узнают про Марину.

Вера замерла с фотографией в пальцах.

— А что про Марину? — спросил второй.

Первый понизил голос до шёпота, но в пустом коридоре шёпот звучит громче крика.

— Официально — авария. А неофициально никто не понимает, почему она в ту ночь вообще ехала одна, если за час до этого звонила Артёму и просила приехать.

Шаги удалились. Вера осталась стоять с папкой в руках, и ей показалось, что стеклянные стены бизнес-центра вдруг стали очень тонкими.

Она отнесла папку в кабинет сама. Это было не обязательно, можно было оставить у секретаря, но Вера почему-то не смогла.

Артём стоял у окна.

— Это ваше, — сказала она. — Я не смотрела.

— Смотрели.

— Только верхний лист.

— Госпожа Белова.

— Хорошо. Смотрела. Две фотографии. Остальное не читала.

Он повернулся. Лицо было спокойным, слишком спокойным, как поверхность воды над омутом.

— Вы не должны были этого видеть.

— Вы сами передали мне папку.

— Я перепутал.

— Вы не путаете, — сказала Вера. — Вы вообще ничего не путаете.

Это было сказано резче, чем она хотела. Артём шагнул к столу, взял папку и несколько секунд держал её в руках так, словно она была не картонной, а раскалённой.

— Закройте дверь, — сказал он.

Она закрыла.

— Её звали Марина, — сказал он тем же ровным голосом, не глядя на Веру. — Мы собирались пожениться. Три года назад в октябре она позвонила мне в 21:40 и попросила приехать. Сказала, что это важно. Что она не может по телефону.

Он замолчал.

— Я был на совещании. Я сказал, что перезвоню через час. Через час мне позвонила полиция.

Вера не говорила ни слова. Она знала, что в таких случаях люди говорят «мне очень жаль», и знала, что это бесполезно, как зонт в цунами.

— Вы поехали бы, если бы знали? — спросила она наконец.

— Да.

— Тогда вы не виноваты в том, что не знали.

— Я виноват в том, что не спросил.

Эта простая фраза, без нажима, без надрыва, ударила сильнее любого крика. Вера вдруг поняла: Артём не прячет боль. Он давно перестал её прятать. Он просто носит её каждый день, как другие носят часы.

— На обороте фотографии написано: «Если со мной что-нибудь случится, не позволяй ему узнать правду», — тихо сказала она. — Правду о чём?

— Не знаю.

— Но вы хотите знать.

— Больше всего на свете.

— Тогда зачем вы держали это в папке с надписью «Личное», а не в сейфе?

— Потому что в сейфе она казалась бы мёртвой, — сказал он.

В кабинете наступила такая тишина, что слышно было, как за стеной гудит система кондиционирования.

— Я не буду спрашивать, что произошло, — сказала Вера. — Расскажете сами, когда решите.

Она взялась за ручку двери, когда он заговорил снова:

— Госпожа Белова.

— Да?

— Если вы захотите уйти, я пойму.

— Я не уйду, — сказала Вера. — Мне нужны эти двести тысяч.

Он впервые за все эти недели улыбнулся: коротко, одним краем рта, как человек, который давно разучился.

— Я знаю, — сказал он.

Она вышла. В коридоре её била мелкая дрожь, и только у лифта Вера поняла почему.

Она не боялась. Она запомнила зайца.

Тот самый заяц, с оторванным ухом и проплешиной на животе, снился ей всю жизнь. Не в точности такой: во сне он был больше, ярче, и в руках у маленькой девочки, стоявшей в горящем коридоре перед закрытой дверью. Но ухо, оторванное ухо она узнала бы из тысячи.

Вера не верила в совпадения. Она не верила в них даже в те дни, когда очень хотела бы.

Глава 4. Девочка с твоим лицом

Конверт лежал в почтовом ящике, между рекламой пиццерии и счётом за электричество.

Без марки. Без адреса. Просто «Вере Беловой, кв. 14», выведено печатными буквами, аккуратно, как пишут люди, которые долго репетировали почерк.

Вера поднялась на четвёртый этаж с конвертом в зубах, потому что в руках у неё были пакет с хлебом и ключи, и, пока отпирала дверь, радиатор в прихожей по обыкновению загрохотал, как будто в трубе пытался выбраться на свободу некий пленник. Она включила свет, поставила пакет на стол, сняла пальто и только тогда вскрыла конверт.

Внутри была одна фотография. Старая, с жёлтыми краями, снятая на плёнку, из тех, где цвета давно ушли в тёплую хмарь.

Девочка лет семи сидела на подоконнике. Тёмные волосы, обрезанные неровно, будто кто-то стриг её в спешке. Светлое платье не по размеру. И привычка, от которой у Веры похолодели руки: чуть склонять голову набок, когда фотографируют, как будто спрашиваешь у камеры разрешения.

Родинка под левым глазом. Крошечная, чуть заметная, та самая, которую Вера с четырнадцати лет закрашивала тональным кремом, пока не поняла, что это бессмысленно.

Она перевернула снимок.

«Она выжила. Но не должна была».

В кухне было тихо. Слышно было, как за стеной у соседей бормочет телевизор и как на подоконнике остывает чашка с вчерашним чаем.

Вера не помнила этой фотографии. Не помнила подоконника, платья, комнаты. Но девочку она знала. Не как знают собственное лицо в зеркале, а как знают то, что видели в детстве очень много раз, и потом забыли, где именно.

Она видела её во сне. Почти каждую ночь, лет с пяти. Маленькая девочка в длинном коридоре, полном дыма, пытается открыть дверь, за которой кричит женщина. В руках у девочки плюшевый заяц с оторванным ухом. Каждый раз сон обрывался одинаково: чья-то сильная рука хватала её за плечо. Потом темнота.

В двенадцать лет Вера проснулась от крика отца.

Он стоял на кухне в их старой квартире в Киришах и держал в руках фотографию, а по лицу его текли слёзы. Вера никогда не видела, чтобы он плакал. Увидев её, он спрятал снимок за спину так неловко, как прячут краденое. На следующий день они собрали вещи. Через два дня выехали. Он сказал, что нашёл новую работу. Вера тогда поверила, потому что в двенадцать лет не знаешь ещё, что у лжи есть запах.

Теперь ей было двадцать девять. И запах она узнавала сразу.

Она достала телефон и набрала отца.

— Верочка? — Он ответил после второго гудка, и в голосе его, как всегда, была та особенная теплота, от которой хотелось сразу всё простить. — Что случилось?

— Ничего. Привет, пап.

— Ты плачешь.

— Нет.

— Вера, я слышу, когда ты плачешь.

Она невольно улыбнулась. Даже сейчас, в эту минуту, он оставался единственным человеком, который читал её ложь через телефонную линию.

— Я не плачу. Я хочу спросить. Ты помнишь, я рассказывала тебе про сон? Про пожар?

Пауза.

Длинная. Слишком длинная для человека, который собирается сказать «конечно, помню, дочка, и что?»

— Это был сон, — сказал отец.

— Пап.

— Просто сон. Дети многое придумывают.

— А фотография, которую ты прятал на кухне, когда мне было двенадцать, это тоже сон?

На том конце стало так тихо, что Вера услышала, как далеко-далеко, в другом городе, скрипит старая половица.

— Приезжай в воскресенье, — сказал Николай Белов. — Поговорим.

— Скажи сейчас.

— Верочка. — Теперь голос его стал другим, низким и бесконечно усталым. — Если я скажу по телефону, я скажу плохо. А ты у меня одна. Я не могу сказать плохо.

Он повесил трубку первым.

Вера долго стояла посреди кухни с телефоном в руке. Потом налила воды в чашку, поставила чайник, села на табуретку и, не снимая куртки, уставилась на фотографию.

Семь лет. Подоконник. Чужое платье.

«Она выжила. Но не должна была».

— Вы не спали, — сказал Артём вместо приветствия.

— Доброе утро, Артём Михайлович.

— Вы выпили четыре чашки кофе до восьми утра. Я видел чек в системе учёта.

— Вы следите за моим кофе?

— Я слежу за расходами, а ваш кофе входит в расходы, — сказал он. — Вам нужен выходной?

— Мне нужен воскресный день, но он у меня уже есть.

— Тогда что случилось?

Вера положила на стол папку с утренней почтой, расправила плечи и поймала себя на том, что собирается соврать. Она не умела этого с детства. Профессиональное несоответствие: в какой-то момент ей даже сказали на работе, что она «слишком прозрачная».

Ей не пришлось решать. Телефон в кармане коротко дрогнул.

Неизвестный номер. Одна строчка:

«Садовая, 14. Завтра, 11:30. Приходи одна. Если расскажешь Ланскому — опоздаешь навсегда».

Вера прочитала, медленно выдохнула и, не поднимая глаз, протянула телефон Артёму.

— Я не умею скрывать, — сказала она. — Это моё главное профессиональное несоответствие.

Он прочёл сообщение один раз. Лицо его изменилось не сразу: сначала стало просто сосредоточенным, потом жёстким, и только в последнюю секунду на нём проступило что-то, чего Вера не ожидала увидеть. Тревога.

— Садовая, четырнадцать, — повторил он. — Это старый детский дом. Фонд моего отца содержал его до закрытия.

— То есть это связано с вами.

— Это связано с вами, — сказал Артём. — И со мной. Я пока не знаю как.

Он вернул ей телефон.

— Мы едем вместе.

— Здесь написано «одна».

— Здесь написано то, чего хочет автор сообщения. А я хочу, чтобы вы вернулись живой.

Вера уставилась на него.

— Вы всегда так заботитесь о сотрудниках?

— Я забочусь о ресурсах, — сказал Артём. — Хороший секретарь трудно найти.

— Конечно.

— Я посижу в машине. В двухстах метрах. Это максимум моей скромности.

Она долго молчала, глядя на него, на жёсткую линию подбородка, на плечи, державшиеся так, будто к ним приставили невидимую линейку. И подумала, что ни один человек в её жизни, ни Денис, ни прошлый начальник, ни полдюжины приятелей, обещавших «если что, звони», никогда не говорил ей: я хочу, чтобы вы вернулись живой.

Это было нелепо. Это было смешно. И от этого почему-то хотелось не смеяться.

— Хорошо, — сказала она. — Двести метров. Ни шагом ближе.

— Двести пятьдесят, — уточнил он. — Я должен иметь возможность дать задний ход.

Глава 5. Садовая, четырнадцать

Двухэтажное здание из красного кирпича стояло за ржавыми воротами, как забытая школьная декорация. Окна первого этажа были забиты фанерой, крыша просела возле водосточной трубы, над входом остались следы от вырванной вывески. Двор зарос бурьяном, а посреди бурьяна, как вызов здравому смыслу, стояли ярко-синие качели, словно кто-то совсем недавно напомнил этому месту, что здесь жили дети.

Вера посмотрела на часы. 11:27.

Артём сидел в машине в двухстах пятидесяти метрах, у закрытой аптеки. Он, как обещал, не вышел. Она оглянулась: серый седан стоял неподвижно, и за лобовым стеклом угадывался тёмный силуэт. Это почему-то успокаивало.

В кармане лежала фотография. Вера достала её и посмотрела на девочку с родинкой.

— Вы пришли.

Голос раздался за спиной так неожиданно, что она вздрогнула.

У ворот стоял пожилой мужчина в тёмном пальто, опираясь на трость, хотя двигался уверенно. Худое лицо, натянутая на скулах кожа, над правой бровью старый шрам, белый, как след мела.

— Вы прислали сообщение? — спросила Вера.

— Да.

— Кто вы?

— Человек, который двадцать два года назад должен был сделать больше.

Он открыл ворота.

— Заходите. Времени мало.

— Удобно, — сказала Вера. — Вы назначаете встречу, отказываетесь представиться и сразу требуете, чтобы я шла за вами.

Мужчина остановился. Что-то странное мелькнуло в его лице.

— Ваша мать говорила почти так же.

— Вы знали мою мать?

— Я знал вас обеих.

Сначала Вера решила, что ослышалась.

— Обеих?

Он долго смотрел на неё. Потом на фотографию в её руке.

— Вам не сказали, — тихо произнёс он, и это было не вопросом.

— Что мне не сказали?

— Внутри, — ответил он. — Внутри расскажу.

— Нет. Здесь и сейчас.

Он заглянул ей в глаза, словно примеряя, сколько правды она способна поднять. Потом кивнул.

— Меня зовут Павел Андреевич. Когда-то я был здесь завхозом. А до этого — водителем Михаила Ланского.

Земля под ногами Веры качнулась.

— Отца Артёма?

— Да.

— Тогда почему вы пишете мне, а не ему?

Павел Андреевич посмотрел на небо, на низкие тучи над красными крышами, на синие качели в бурьяне.

— Потому что сын не должен узнавать такое от старика у ржавых ворот, — сказал он. — А вы имеете право узнать первой.

Он достал из кармана пальто небольшой латунный ключ с прикреплённой биркой. На бирке стёртой краской была выведена цифра: 18.

— Камера хранения на Финляндском вокзале. Старое здание, подвал. Там лежит папка. Всё, что мы успели спасти. Берите. И не показывайте никому из фонда.

— Почему?

— Потому что в документах фонда Ланских вы числитесь умершей.

Он произнёс это очень спокойно. Это спокойствие было страшнее крика.

— Девочка Вера Белова, семи лет, погибла при пожаре двадцать два года назад, — продолжал Павел Андреевич. — Есть акт, есть свидетельство, есть даже могила на кладбище в Выборге. Человек, который всё это оформил, был очень убедителен. Я видел, как он подписывал бумаги.

— Кто?

— Тот, кто потом отвёз вас к Николаю Белову и велел молчать.

— Мой отец, — выдохнула Вера, — знает?

— Ваш отец знает всё. И молчит с тех пор, как дал слово. Но я не давал, — старик повёл плечами. — Я устал. Мне семьдесят шесть. Я не хочу умирать с этим.

Он шагнул ближе, понизил голос:

— Вас было двое.

Слова не сразу дошли до сознания. Вера слышала каждое по отдельности, но не могла сложить в предложение.

— Двое?

— В ту ночь в том доме было две девочки. Одинаковые. Только одну из них вынесли на руках из огня, а другую…

Он не успел договорить.

Со стороны улицы раздался глухой звук мотора. У ворот остановился чёрный внедорожник с тёмными стёклами. Дверца не открылась. Но Вера почувствовала, как кто-то смотрит на неё из этой темноты, внимательно и неторопливо, как смотрят на того, кто никуда не денется.

— Уходите, — сказал Павел Андреевич.

— Что?

— Сейчас. Через калитку со двора. Бегом.

— А вы?

— Я старик, — сказал он. — Меня никто не тронет. Идите.

Он сунул ключ ей в ладонь, сжал её пальцы своей сухой, холодной рукой и повторил:

— Идите, Вера. И никому не верьте, пока не откроете камеру.

Она побежала.

Калитка в заборе висела на одной петле. Вера пролетела сквозь заросли, цепляясь пальто за ветки, выскочила в переулок и мчалась вдоль гаражей, пока не увидела серый седан. Дверца была уже распахнута. Артём стоял рядом, без пальто, с телефоном в руке, и по его лицу было ясно: он давно вышел из машины. Задолго до того, как договаривались.

— Это мои двести пятьдесят метров, — сказал он, перехватывая её за локоть. — Вы в порядке?

— Нет, — честно ответила Вера. — В машину. Быстро.

Глава 6. Мёртвая по документам

Они не проехали и квартала, когда Вера наконец смогла заговорить.

Артём вёл машину без слов. Он ни о чём не спрашивал, и это было редчайшим проявлением такта в человеке, привыкшем получать ответы раньше, чем формулировались вопросы. Только руки на руле побелели.

— Вы видели чёрный внедорожник? — наконец спросила Вера.

— Видел. Он проехал за нами два светофора и свернул у Лиговского.

— Номера?

— Закрыты тканью. — Артём покосился на неё. — Вы что-нибудь узнали?

Она рассказала. Не всё, не по порядку. Короткими обрывками, тихо, словно боялась, что стоит произнести вслух, и все слова станут правдой. Павел Андреевич. Ключ с цифрой 18. Могила в Выборге. И фраза, от которой у Веры до сих пор шумело в ушах.

«Вас было двое».

Артём слушал, не перебивая. Лишь когда она дошла до слов «числитесь умершей», его пальцы на руле дрогнули.

— Остановите, — сказала Вера. — Пожалуйста. Мне нужно подышать.

Он свернул в тихий двор, заглушил мотор. Вера вышла, постояла у кирпичной стены, глядя, как с неба сыплется мелкий, нерешительный снег. Потом вернулась в машину и закрыла дверь.

— Фонд Ланских, — сказала она. — Вы можете проверить?

— Да.

Он достал с заднего сиденья ноутбук. Вера успела заметить, как стремительно заходили по клавишам его пальцы, холодные, точные, не знающие сомнений. Несколько минут в машине было слышно только гудение вентилятора и тиканье остывающего двигателя.

Потом он перестал печатать.

— Артём Михайлович?

Он смотрел на экран и не отвечал.

— Что там?

— Реестр воспитанников, — сказал он глухо. — Раздел «Выбывшие».

— И?

Он повернул ноутбук к ней.

Строка в таблице была короткой. Белова Вера Николаевна. Дата рождения: она совпадала. Дата выбытия: двадцать два года назад, второго ноября. Причина: «погибла при пожаре». Номер акта, подпись, печать.

Вера смотрела на эти слова долго. Ей казалось, что если смотреть достаточно долго, буквы сами изменятся и сложатся во что-то другое, во что-то смешное, нелепое, ошибочное.

— Я мёртвая, — сказала она наконец, и собственный голос показался ей чужим. — Вот уже двадцать два года. И никто мне не сообщил.

— Вера.

Он назвал её по имени впервые. Она подняла глаза.

— Это не ошибка, — сказал Артём. — Такие акты не ошибаются. Их составляют.

— Кто?

— Мой отец был председателем фонда.

— Знаю.

— Он умер одиннадцать лет назад, — сказал Артём. — Я стоял на его похоронах. Закрытый гроб, речь священника. Я был уверен, что знаю о нём всё.

Он замолчал и закрыл ноутбук с тихим щелчком.

— Я ошибался, — закончил он.

В тот вечер он отвёз её домой.

В подъезде пахло сырой штукатуркой и жареным луком. На третьем этаже тускло мигала лампочка. Вера, открыв дверь, заметила, что Артём остановился на площадке, не входя.

— Я подожду здесь, пока вы закроетесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.